

Ёлкин*

Он —
ёлкин.
Чёрен сон
без кадки водки.
Леший, люду — колкий:
безвольный, бескровный, безродный.
В тон
кляксе:
вонь да топь,
гниющий стебель.
Мёртвый. Почве — лялька:
пронянчится с пьяным, срам стерпит.
Стон.
Белка.
Белый ток.
Он был иль не был?
Вечность. Холм под елью.
Вороны склевали всё небо.
Хор.
Торг.
Торф.

** На Руси на протяжении XVIII века владельцы кабаков обозначали вход в заведения еловыми ветвями, отчего горького пьяницу прозывали «ёлкиным».*

Кать

ЧертополоХ не чертыХается: цветёт.
Мне неоХота Ход ХорошиХ дел менять.
Душа Хмельна. Хард-рок — уХабистый бетон. —
И муХи-скомороХи шепчут в уХо: «Кать».
Вот Хилый дом: Хранитель всеХ тревог и встреч.
Мой Хлад смешным атог-стиХом друг мог изгнать.
Когда Ходил по крыше чёрт, Хозяйский кот, —
дарил оХапку лютиков. МоХнатый жмот
со зла маХал трубой, кряХтел и гадил вниз.
Прошёл дуХовный, стиХотворческий каприз.
Москвич пыХтит... На Хоботе моём — очки;
на сытом брюХе — муХобойка. — Друг, очнись!
Пока поджарыХ муХ и дом не съела гать,
я буду жить в глуХом краю, близ речки «Кать».

Фонари крылатые

Ткацкая.
Клацают
языками
меж домами
фонари крылатые.
Как они — богаты мы
звонкою словесностью.
Помнишь песню родичей:
жить, любить, охотиться?
Что содеют с песней сей
два клыка над облаком?
Впрочем, ничего особого.
Тучей подкрепится месяц:
вспухнет шар пророческий.
Слово — королевское высочество:
каждый слог — на должном месте.
Серебрится мастерская творчества
в омуте житейском.

Звуки, тихо лейтесь!
Спит по-детски
кот на крыше:
выше люка,
выше люда,
к свету —
ближе.